

Лорд Дансейни

ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ СЪЕЛ
ФЕНИКСА

♦

ХРОНИКИ
ТЕНИСТОЙ ДОЛИНЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Л 78

Lord Dunsany

FIFTY-ONE TALES

Copyright © The Estate of Lord Dunsany, first published 1915

TALE OF THREE HEMISPHERES

Copyright © The Estate of Lord Dunsany, first published 1919

THE MAN WHO ATE THE PHOENIX

Copyright © The Estate of Lord Dunsany, first published 1949

DON RODRIGUEZ: CHRONICLES OF SHADOW VALLEY

Copyright © The Estate of Lord Dunsany, first published 1922

THE CHARWOMAN'S SHADOW

Copyright © The Estate of Lord Dunsany, first published 1926

THE BLESSING OF PAN

Copyright © The Estate of Lord Dunsany, first published 1927

THE CURSE OF THE WISE WOMAN

Copyright © The Estate of Lord Dunsany, first published 1933

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK

and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского

Ирины Борисовой, Владимира Гришечкина, Натальи Кротовской,
Валентины Кулагиной-Ярцевой, Светланы Лихачевой, Нины Цыркун,
Галины Шульги

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрации Сидни Сайма

© И. В. Борисова, перевод, 2015
© В. А. Гришечкин, перевод, 2000, 2015
© Н. Г. Кротовская, перевод, 2015
© В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 2015
© С. Б. Лихачева, перевод, 2025
© Н. А. Цыркун, перевод, 2015
© Г. Ю. Шульга, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-23702-5

ПЯТЬДЕСЯТ ОДНА ИСТОРИЯ

РАНДЕВУ

родила Слава по большим дорогам и, беспечно распевая, заигрывала с бессовестными авантюристами, а поэта обходила стороной.

Поэт слагал для нее венки сонетов, дабы украсить чело ее в чертогах Времени, а она щеголяла в дешевых гирляндах, что швыряли ей по пути шумные толпы, — в гирляндах, свитых из всего того, что непрочно и бренно.

И всякий раз, как только увядали эти гирлянды, к ней возвращался поэт с сонетами и песнями, а она все смеялась над ним и щеголяла в дрянных венках, хоть все они и увядали к вечеру.

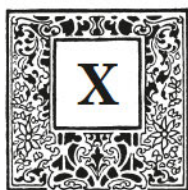
И однажды поэт горько упрекнул ее и молвил:

— О прелестница Слава, на больших дорогах и на проселочных тропах не брезгаешь ты хохотать, горланить и шутить с никчемными людишками, а я тружусь во имя тебя и грежу о тебе, но ты насмехаешься надо мною и обходишь меня стороной.

А Слава повернулась к нему спиною, но, уходя, оглянулась через плечо и улыбнулась ему так, как никогда не улыбалась прежде, и еле слышно шепнула:

— Я буду ждать тебя на кладбище за Работным домом через сотню лет.

ХАРОН

арон налег на весла. Он так устал, что ему было все равно.

Он давно утратил счет годам и векам: эти разливанные потоки времени, и неизбывное уныние, и натруженные плечи — все это давно стало для него неотъемлемой частью миропорядка, что порожден богами и неотделим от Вечности.

Если бы боги однажды послали ему встречный ветер, все время на его памяти поделилось бы на две равные глыбищи.

Вокруг него неизменно царила такая серость, что, если бы хоть малейший отблеск света задержался на миг среди мертвецов — скажем, на лице такой царицы, как Клеопатра, Харон бы его просто не разглядел.

Странное дело, мертвецов ныне здорово поприбавилось. Если раньше они приходили от силы по полсотне, то теперь — тысячами. Но Харон не имел обыкновения задумываться в серой и сумрачной душе своей, почему все так; это ведь не входило в его обязанности. Он снова налег на весла.

А теперь вот берег был пуст. Никогда такого не случалось, чтобы боги подолгу не присылали никого с Земли. Ну да богам виднее.

А потом пришел один-единственный человек. Бледная тень, трепеща, уселась на пустое сиденье, и вместительная ладья оттолкнулась от берега. Только один пассажир: что ж, богам виднее. Великий и усталый Харон все греб и греб, а рядом с ним дрожала бледная, безмолвная тень.

Шум реки был что тяжкий вздох — так Скорбь в начале начал вздыхала среди своих сестер; и не мог этот вздох угаснуть так же, как эхо человеческого горя затихает на земных холмах, — он был таким же древним, как время, как боль в натруженных плечах Харона.

И вот, неспешно скользя по серым водам реки, ладья подошла к берегам Дита¹, и бледная, безмолвная тень, все еще трепеща, сошла на берег, а Харон устало повернул ладью обратно в мир. И молвила бледная тень, что некогда была человеком:

— Я — последний.

Никому дотоле не удавалось вызвать улыбку на устах Харона, никогда прежде не рыдал он.

¹ *Дит* — латинское имя Аида, верховного бога смерти и подземного царства мертвых в древнегреческой мифологии; также название подземного царства как такового или его части (так, в «Божественной комедии» Данте город Дит включает в себя Нижний ад). — *Здесь и далее примеч. перев., если не оговорено иное.*

СМЕРТЬ ПАНА

остигнув Аркадии¹, прибывшие из Лондона путешественники принялись оплакивать смерть Пана.

И вскоре они увидели его — он лежал неподвижно и тихо.

Рогатый Пан лежал недвижим, роса сверкала на его мехе; в нем не было жизни. И они сказали:

— Действительно, Пан умер.

И, печально стоя над огромным расprostертым телом, они долго смотрели на незабвенного Пана.

И настал вечер, и на небе появилась звездочка.

И вскоре из деревушки в одной аркадской долине, напевая протяжную песню, пришли аркадские девушки.

И вдруг, увидев в сумерках лежащего старого бога, они остановились и зашептались между собой. «Каким жалким он кажется», — сказали они и тихонько рассмеялись.

И, услышав их смех, Пан вскочил, так что камешки полетели из-под копыт.

И путешественники долго стояли и слушали, как скалы и вершины холмов Аркадии оглашались звуками погони.

¹ *Аркадия* — область в Древней Греции, давшая название поэтическому образу страны, где все живут счастливо и беззаботно.

СФИНКС В ГИЗЕ

овсем недавно я стоял перед статуей Сфинкс.

Лицо ее было накрашено, она хотела пленить
Время.

А оно не пощадило ни одного накрашенного лица
в мире, кроме ее лица.

Далила¹ была моложе Сфинкс, но уже обратилась в прах.

Время не любило ничего, только это пустое накрашенное лицо.

Мне было не важно, что она безобразна, не важно, что она красилась, важно только то, что она хотела выманить у Времени его тайну.

Время бездельничало у ног Сфинкс, вместо того чтобы разрушать города.

Времени не надоедала ее глупая улыбка.

Кругом стояли храмы, которые Время забыло обратить в руины.

Я видел, как мимо прошел старик, и Время не коснулось его.

Время, которое стерло с лица земли семь врат Фив!²

Сфинкс пыталась связать его путами из вечного песка, она надеялась, что Пирамиды устршат его.

Время лежало на песке, обмотав свои дурачьи волосы вокруг ее лап.

Если Сфинкс когда-нибудь выведает тайну Времени, нам придется ослепить его, чтобы оно больше не видело прекрасные вещи, созданные людьми, — во Флоренции есть красивейшие врата³, и я опасаясь, что Время унесет их.

¹ Далила — филистимлянка, обольстившая и предавшая богатыря Самсона в Ветхом Завете.

² Фивы — греческое название столицы Верхнего Египта, разрушенной в эпоху правления греческих царей Птолемеев.

³ Вероятно, имеются в виду двери флорентийского баптистерия, украшенные многофигурными позолоченными рельефами со сценами из Ветхого Завета.

Мы пытались связать Время своими песнями и старинными обычаями, но этого хватило ненадолго, оно всегда побеждало нас и смеялось над нами.

Если Время ослепнет, ему придется танцевать для нас и забавлять нас.

Огромное неповоротливое Время станет, спотыкаясь, танцевать, Время, любившее убивать маленьких детей, больше не обидит и маргаритки.

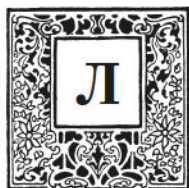
И наши дети станут смеяться над тем, кто уничтожил вавилонских крылатых быков и погубил множество богов и фей, — теперь, когда Время лишится своих часов и дней.

Мы запрем его в пирамиде Хеопса, в огромном зале, где стоит саркофаг, и станем выпускать оттуда на наши празднества. Оно будет золотить наши нивы и всячески служить нам.

О Сфинкс, если ты предашь нам Время, мы покроем поцелуями твое накрашенное лицо.

И все-таки я боюсь, что Время, корчась в смертных муках, схватит на ощупь землю и луну, а последним рывком уничтожит род человеческий.

КУРИЦА

асточки, усыпав частокол фермы, тревожно щебетали, болтая друг с другом о разных разностях, но думали они только лишь о лете и о юге, ибо надвигалась осень; они ждали северного ветра.

И настал день, когда они улетели. И целый день все говорили только о ласточках и о юге.

— Пожалуй, на следующий год я тоже полечу на юг, — сказала курица.

Прошел год. Снова прилетели ласточки и, когда лето минуло, снова расселись на изгороди; а весь курятник обсуждал отлет курицы.

И вот однажды утром задул северный ветер. Ласточки взлетели все вдруг, и наполнились ветром их крылья; и пришла к ним сила, и чудесное древнее знание, и вера, что крепче людской. И высокий этот полет унес их далеко от дыма наших городов, от обжитых коньков крыш; и наконец под ними раскинулось огромное неприятное море. Держась седых морских течений, летели они к югу, гонимые ветром; летели сквозь пышные полосы тумана и видели старые острова, поднимавшие над туманом головы; видели медленные блуждания сбившихся с курса кораблей; и ныряльщиков — искателей жемчуга, и земли, охваченные войной. И вот их глазам открылись знакомые очертания вершин — то были горы, к которым они стремились; и они спустились в южную долину, а там было лето — то дремлющее, то поющее песню.

— Кажется, подул тот ветер, какой нужно, — сказала курица, растопырила крылья и, размахивая крыльями, помчалась с птичьего двора, добежала до дороги и по ней добралась до сада.

А вечером вернулась, задыхаясь от волнения и усталости.

И рассказывала всему птичьему двору, как летала на юг до самого шоссе и видела мощный поток машин, и долетела до полей, где растет картофель, и видела жнивьё, и жилища людей; а в конце до-

ЛОРД ДАНСЕЙНИ

роги нашла сад: в нем были розы — прекрасные розы! — и сам садовник там был, в подтяжках.

— Чрезвычайно интересно, — восхитился курятник. — А какие замечательные описания!

И кончилась зима, минули самые горькие месяцы; наступила новая весна, и снова прилетели ласточки.

— Мы были на юге, — сказали они, — в долинах за морем.

Но курятник никак не мог согласиться, что на юге есть море.

— Послушайте лучше нашу курицу.

ВЕТЕР И ТУМАН

ну, дорогу нам! — восклицал Северный Ветер, пролетая над морем с поручением от старца-Зимы.

Тут завидел он, что впереди над волнами стелется серый безмолвный туман.

— Дорогу нам! — приказал Северный Ветер. — Дорогу, о никчемный туман, я ведь полководец старца-Зимы в его вековой войне с кораблями. Я внезапно сокрушаю их всей своей мощью или швыряю в них громадные плавучие айсберги. Пока ты ползком преодолеваешь милю-другую, я пересекаю океан из конца в конец. Плач разносится по побережьям, ежели повстречался я с кораблями. Я гоню их на скалы и кормлю несытое море. Где появляюсь я, корабли склоняются пред владыкой нашим Зимой.

Ничего не сказал туман в ответ на надменную похвальбу Северного Ветра. Он медленно всколыхнулся и уполз с моря, и поднялся вверх по длинным долинам, и залег среди холмов; и вот настала ночь, и все замерло, и в тишине послышалось невнятное бормотание тумана. И слышал я, как туман пересказывает про себя злодейскую повесть о своей страшной добыче. «Сто пятнадцать галеонов старой Испании, караван судов, что вышел из Тира¹, восемь рыболовецких флотилий и девяносто линейных кораблей, двенадцать фрегатов, вооруженных карронадами², триста восемьдесят семь речных судов, сорок два торговых корабля, груженных пряно-

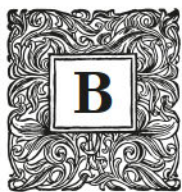
¹ *Тир*, современный город в Ливане, в древние времена был столицей Финикии и финикийских колоний, господствовал на море и основал процветающие колонии, такие как Кадис и Карфаген.

² *Карронада* — гладкоствольное артиллерийское орудие с относительно коротким, облегченным стволом, стреляющее тяжелыми ядрами с малой скоростью на близкие дистанции. Карронады впервые появились в английском флоте в конце XVIII в., а затем были приняты на вооружение и в береговой артиллерии.

стями, четыре квинквиремы, десять трирем¹, тридцать яхт, двадцать один современный броненосец, девять тысяч флагманов...» — бормотал он, мерзко хихикая. И вскочил я, и бежал от этой тлетворной скверны.

¹ *Квинквиремы, триремы* — классы боевых кораблей у античных цивилизаций Средиземноморья (в частности, финикийцев, древних греков и древних римлян). Квинквирема — боевой корабль с пятью рядами весел, трирема — с тремя рядами весел.

СТРОИТЕЛИ ПЛОТОВ

се мы, люди пишущие, напоминаем матросов, спешно вяжущих плоты на обреченном корабле.

Когда, ослабнув под бременем лет, мы канем в вечность со всем, что в нас было, наши мысли, как затерянные плотики, закачаются на волнах моря Забвения. На них — лишь наши имена да фраза-другая; редко что-нибудь еще.

Те, чья профессия — писать на злобу дня, похожи на матросов, что вяжут плоты, только чтобы согреть руки, только чтобы отвлечься от мыслей о полной своей обреченности; их плотики развалятся раньше, чем корабль пойдет ко дну.

Смотрите — вокруг нас мерцает море Забвения, его спокойствие смертоносней, чем буря. Сколь мало волнуют его наши лодчки. В его глубинах, как громадный кит, плывет Время; и, как кит, кормится мелочью — обрывками мелодий, безыскусными песенками давних золотистых вечеров, но вот повернется — и, подобно киту, опрокидывает огромные корабли.

Смотрите — вот лениво плывут обломки Вавилона, а вот — то, что некогда было Ниневией¹; их цари и царицы уже в глубине, под грузом веков, что скрыли громаду пропитанного влагой Тира и окутали темнотой и мраком Персеполь².

Другие же... На дне моря, усыпанном венками, я смутно различаю очертания затонувших кораблей.

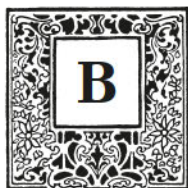
Все наши корабли непригодны к плаванию изначально.

А плотик, что сделал Гомер для Елены, — плывет.

¹ *Ниневия* — столица Ассирии, разрушенная в 612 г. до н. э. объединенным войском вавилонян, мидян и армян.

² *Персеполь* — город в древней Персии, с V в. до н. э. столица империи Ахеменидов.

РАБОЧИЙ

В ерх лесов, в которых стоял огромный дом, рухнул, и вместе с лесами упал рабочий. Я увидел, что, падая, он пытается вырезать ножом на лесах свое имя. Время у него было — падать предстояло почти триста футов. И у меня все не шел из головы этот его бессмысленный жест — ведь не только сам он через три секунды разобьется в лепешку, но и стойка лесов, на которой он нацарапает, сколько успеет, букв своего имени, через месяц-другой непременно пойдет на дрова.

Я пошел домой — нужно было заняться работой. Но весь вечер мне не давали серьезно работать мысли о безрассудстве этого человека.

А поздно ночью — я еще работал — сквозь стену выплыл призрак рабочего и, смеясь, повис над мной.

Я не слышал его смеха — лишь собственный голос, когда заговорил; но видел нечто расплывчато-серое, трясущееся от хохота.

Я спросил, над чем он смеется; тогда заговорил и призрак.

— Я смеюсь над тобой: ты сидишь и работаешь, — сказал он.

— Почему же, — спросил я, — ты смеешься над серьезной работой?

— Э-э, твоя прекрасная жизнь пролетит, как порыв ветра, — сказал он, — а через несколько веков и от всего твоего дурацкого мира следа не останется.

Он вновь залился смехом, на сей раз слышимым, и со смехом прошел сквозь стену и растворился в вечности, из коей явился.

ГОСТЬ

восемь вечера в фешенебельный лондонский ресторан вошел молодой человек.

Он был один, но столик зарезервировал на двоих. Меню он выбирал очень тщательно, письмом, еще за неделю.

Официант справился о втором госте.

— Думаю, он появится не раньше, чем принесут кофе, — объяснил молодой человек. Так что ужин подали только ему.

Посетители, сидевшие за соседними столиками, вероятно, заметили, что молодой человек то и дело обращается к пустому стулу, причем монолог этот продолжался на протяжении всего изысканного ужина.

— Сдается мне, вы знали моего отца, — промолвил юноша за супом. — Я послал за вами нынче вечером, потому что хочу, чтобы вы оказали мне услугу; собственно, я на этом настаиваю, — продолжал он.

В посетителе не было ровным счетом ничего эксцентричного, за исключением этого его обыкновения обращаться к пустому стулу; да и ужин он заказал отменный, от такого ни один здравомыслящий человек не отказался бы.

Когда подали бургундское, юноша сделался еще более разговорчив; впрочем, пил он умеренно — он знал толк в хорошем вине.

— У нас ведь есть общие друзья, — сообщил он. — Год назад я видел в Фивах царя Сети¹. Думаю, с тех пор, как вы с ним познакомились, он почти не изменился. Мне показалось, лоб у него низковат для царя. А Хеопс² покинул дом, который выстроил в преддверии

¹ *Сети I* — фараон из XIX династии Древнего Египта, сын Рамсеса I; правил ок. 1290 — 1279 гг. до н. э. Покровитель искусств, особое внимание уделял Фивам. В Фивах находится поминальный храм Сети I.

² *Хеопс* — фараон Древнего Египта (правил ок. 2589 — 2566 гг. до н. э.), предположительно строитель Великой пирамиды (пирамиды Хеопса) в Гизе, крупнейшей из египетских пирамид (ей ок. 4500 лет), но похоронен он не в ней. Мумия Хеопса не обнаружена до сих пор.

вашего визита; он, верно, готовился к встрече с вами долгие годы. Надо полагать, нечасто вас так принимают. Этот ужин я заказал всего с неделю назад. Я тогда надеялся, что со мной будет дама, но она ответила «нет», и я пригласил вас. В конце концов, ей до Елены Троянской далеко. А Елена и в самом деле была так уж хороша? Боюсь, к тому времени, как вы с ней познакомились, ее прелести уже увяли. Вот с Клеопатрой вам посчастливилось; ее вы застали в самую пору расцвета... Зато ни русалок, ни фей, ни чарующих богинь далекого прошлого вы не знали — здесь нам повезло больше!

Когда к столу приближались официанты, посетитель умолкал, но стоило им отойти, как молодой человек вновь принимался весело болтать как ни в чем не бывало, по-прежнему обращаясь к пустому стулу.

— А знаете, я ведь видел вас в Лондоне буквально позавчера. Вы ехали на автобусе вниз по Ладгейт-Хиллу¹ — он еще скорость превысил. Хорошее место Лондон. Но я буду только рад с ним распрощаться. Я ведь как раз в Лондоне и познакомился с той самой дамой. Если бы не Лондон, я бы, вероятно, никогда с нею не встретился, и однако ж, если бы не Лондон с его развлечениями, у нее, надо полагать, нашлось бы для меня время. Так что это палка о двух концах.

Молодой человек прервался, заказал кофе, вдумчиво поглядел на официанта и вложил ему в руку соверен.

— Только не цикориевый, — попросил он.

Официант принес кофе, и молодой человек бросил в чашку какую-то таблетку.

— Думаю, сюда вы нечасто заходите, — продолжал он. — Ну что ж, вам, наверное, пора. Надеюсь, я вам не слишком много хлопот доставил: ведь в Лондоне у вас всегда дел полно.

Молодой человек выпил свой кофе — и рухнул на пол рядом с пустым стулом. В зале случился врач; он склонился над лежащим — и сообщил перепуганному управляющему, что гость молодого человека, со всей очевидностью, прибыл.

¹ *Ладгейт-Хилл* — улица и окрестности небольшого холма в лондонском Сити; сам холм носит то же название.

СМЕРТЬ И ОДИССЕЙ

сонме богов Олимпа Любовь смеялась над Смертью, потому что та была уродлива и ничего не могла с этим поделать и потому что ни разу не совершила ничего значительного, а она, Любовь, — совершила.

Смерть терпеть не могла, когда над ней смеются, и думала только о нанесенных ей обидах, а еще о том, что сделать, чтобы эти насмешки прекратились.

И вот однажды Смерть появилась на Олимпе с важным видом, и все боги заметили это.

— Что ты задумала? — спросила Любовь.

И Смерть торжественно ответила:

— Я собираюсь напугать Одиссея.

И, завернувшись в дорожный плащ, вышла через дверь, предназначенную для ветра, а ее тяжелый подбородок был обращен к земле.

Вскоре она прибыла на Итаку¹, в зал, что известен Афине, распахнула дверь и увидела знаменитого Одиссея с седыми кудрями, который грел руки, наклонившись над очагом.

И ветер злобно подул на Одиссея сквозь открывшуюся дверь. А Смерть подошла, встала позади Одиссея и неожиданно вскрикнула.

Одиссей все так же грел свои бледные руки.

Смерть придвинулась еще ближе и стала что-то напыщенно говорить ему. Наконец Одиссей повернулся к ней. Он сказал:

— Ну что, старая служанка, хвалили тебя хозяева за ту работу, что ты проделала для меня под Илионом?²

А Смерть, представив, как станет смеяться Любовь, не могла произнести в ответ ни слова.

Потом Одиссей сказал:

— Теперь пошли, помоги-ка мне. — И, тяжело опираясь на костлявое плечо, вышел с ней вместе в открытую дверь.

¹ *Итака* — остров в Ионическом море, царство Одиссея.

² *Илион* — другое название Трои.

Лорд Дансейни

Л 78 Человек, который съел феникса. Хроники Тенистой Долины : рассказы, романы / Лорд Дансейни ; пер. с англ. В. Гришечкина, В. Кулагиной-Ярцевой, С. Лихачевой и др. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 1216 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-23702-5

Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, 18-й барон Дансейни, публиковавшийся как лорд Дансейни, — знаменитый автор множества романов, пьес и литературных сказок, стоявший у истоков самого жанра фэнтези. Едва ли не первым в европейской литературе он создал целый «вторичный мир» — со своей космологией, мифологией, историей и географией. Его мифология повлияла на Лавкрафта, Толкина и Борхеса, а парадоксальный юмор, постоянная игра с читательскими ожиданиями — на Нила Геймана и на всю современную ироническую фэнтези. В данной книге вашему вниманию предлагаются три сборника мастера — «Пятьдесят одна история», «Рассказы трех полушарий», «Человек, который съел феникса», — а также четыре романа: дилогия «Хроники Тенистой Долины» («Дон Родригес, или Хроники Тенистой Долины», «Тень служанки»), «Благословение Пана», «Проклятие Ведуньи». Здесь ирландский юноша, съевший бессмертного феникса, начинает видеть волшебную изнанку мира, тихая деревня в английской глубинке поддается чарам древнего бога Пана, а потомственная ведьма насылает проклятие на торфоперерабатывающий синдикат...

Часть произведений публикуется по-русски впервые или в новых переводах, остальные — в новой редакции. Издание сопровождается иллюстрациями знаменитого художника-сказочника Сидни Сайма, сделанными для первых публикаций книг Дансейни.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ЛОРД ДАНСЕЙНИ
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СЪЕЛ ФЕНИКСА
•
ХРОНИКИ ТЕНИСТОЙ ДОЛИНЫ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редакторы Александр Гузман, Дарина Никонова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Татьяны Павловой
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Наталья Бобкова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.07.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 74,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-32656-01-R